

А.В. Циммерлинг

МГУ

zimmail@yanko.mccme.ru

1. 1. Концепт движения как перемещения в пространстве поддается изучению не только на уровне языковых представлений о мире, но и на уровне метаязыковых представлений об организации языка. С нашей точки зрения, наибольший интерес представляет не отражение общенаучных, языковых и культурных концептов движения в метаязыке описания, а механизм обратной связи: к каким обобщениям общенаучного и лингвистического плана можно прийти на основе изучения сложных синтаксических объектов.

Концепт движения предполагает наличие движущегося элемента  $X$  и трассы (траектории) или области передвижения  $Y$ . Для ряда общенаучных и языковых моделей движения важен компонент "наличие наблюдателя  $Z$ , фиксирующего передвижение  $X$ -а по  $Y$ -у или в пределах  $Y$ -а", но для метаязыковых представлений о перемещении значащих элементов фразы компонентом "наличие наблюдателя  $Z$ " можно пренебречь, в то время как компоненты  $X$  и  $Y$  необходимы.

Топология синтаксических структур представляет особый интерес, так как значащие элементы фразы – словоформы, представляющие те или иные категории – остаются дискретными и сохраняют свою самостоятельность в рамках синтаксических объектов более высокого ранга, что позволяет говорить о топологизации и даже метризации синтаксического пространства, где в качестве меры выступает место элемента в линейной схеме предложения.

Говоря о движении синтаксических категорий как о модели, мы имеем в виду прежде всего тот факт, что данный тип движения реализуется главным образом в абстрактном парадигматическом пространстве, а не в реальном развертывании цепочки словоформ в пространстве речевого акта. Доказано, что исчисление порядка словоформ без категориальной маркировки последних в принципе невозможно. Топологическое пространство создается либо парадигматическим рядом из разных предложений, либо деривационной историей одного предложения на разных стадиях его порождения. Если в языке возможна альтернатива позиций (например, прямое дополнение может стоять как до, так и после обстоятельства места), то один и тот же элемент фактически учитывается в схеме предложения более одного раза. Нулевые (вакантные) позиции, которые постулируются в подобных случаях, не обладают линейной протяженностью, но обладают собственным местом и даже могут в некоторых случаях выполнять смысловоразличительные функции.[2]

2. 2. В статье будут рассмотрены следующие типы движения в синтаксическом пространстве: а) по горизонтали – влево/ вправо б) по вертикали – вверх /вниз с) круговые г) обратные д) движение-исчезновение. Наиболее важным является движение

по *горизонтали*, в связи с чем необходимо критически рассмотреть понятие инверсии и пути его формализации. В докладе проводится точка зрения, что классическое понимание инверсии как единовременной замены одной последовательности символов (XYZ) другой последовательностью (ZYX, XZY ...) неудовлетворительно и приводит к лингвистически неприемлемым следствиям. Термины "прямой/обратный порядок слов" не имеют научной ценности. При изучении линейных перестановок необходимо выделять внутри бинарных групп активный элемент X, подвергающийся перемещению, и пассивный элемент Y (содержательно – контекст изменения), меняющий свое расположение во фразе лишь благодаря перемещению X-а. Элемент Y есть топологическая константа, он сам по себе "стоит на месте", в то время как X перемещается "по другую сторону Y". Перемещение X-а есть операция, имеющая своё означаемое (грубо говоря – цель перемещения), сдвиг Y-а не имеет своего означаемого. Разным является и способ задания расстояния. Координаты X -а определяются относительно Y (слева /справа), в то время как координаты Y-а определяются не только по отношению к левому и правому вхождению X -а, но и отношению к некоторым Z,U, упорядоченным по отношению к X-у. В частном случае, место Y-а задается относительно границ синтаксической структуры, ср. утверждения типа "прямое дополнение стоит на четвертом месте в немецком предложении", однако для описания большинства альтернатив такой способ задания расстояния не является необходимым.

Такой подход помогает разрешить многие классические парадоксы инверсии, неразрешимые при её традиционном понимании. Так, при образовании общих вопросов в германских языках имеет место переход SV ® VS. Безусловно, начальное положение финитного глагола в общих вопросах – характерное свойство данного типа высказываний. Но отсюда не следует, что размещение подлежащего перед глаголом – норма для невопросительных высказываний. В самом деле, если для вывода порядка в общих вопросах из невопросительного порядка достаточно знать относительное расположение двух позиций (глагола и подлежащего), то для выводов о месте подлежащего и глагола в высказываниях-утверждениях требуется по крайней мере три позиции (плюс граничный символ #). Если фраза начинается с второстепенного члена (дополнения или обстоятельства), подлежащее во всех германских языках, кроме английского, механически перемещается в постпозицию глаголу # SV Adv ® #Adv VS. При переходе от порядка слов в шведских и немецких утверждениях к порядку слов в общих вопросах (SV ® VS) мы имеем дело не с перемещением подлежащего, а с выносом глагола в начало фразы.[3] При переходе от порядка слов в главных предложениях древнеисландского языка к порядку слов в придаточных (VO ® OV) происходит не перемещение глагола (что ошибочно утверждает большинство лингвистов), а вставка произвольной синтаксической категории перед глаголом. Отсюда видно, что для анализа перемещений вида XY ® YX не все равно, который из двух элементов считать подвижным.

Укажем в этой связи на ряд аналогий между правилами перестановки в формальных грамматиках и приемами описания альтернатив в естественных языках. Как известно, базовый компонент любой формальной грамматики основан на правилах переписывания вида A ® B. Цепочки с перестановками элементов могут порождаться частным классом грамматик – неукорачивающими грамматиками, т.е. грамматиками с такими правилами, правая часть которых содержит по крайней мере столько же символов, сколько левая. Грамматика непосредственных составляющих (НС), т.е. грамматика, меняющая за один шаг лишь один символ, не может порождать языки с перестановками символов XY ® YX, так как перестановка есть многоместная операция. Вместе с тем, для любой неукорачивающей грамматики может быть построена эквивалентная ей НС-грамматика [Гладкий, Мельчук 1969, 54]. Введя два дополнительных символа, нетрудно разбить один шаг перехода XY ® YX на четыре: XY® 1Y, 1Y® 1 2, 12® Y 2, Y 2 ® YX . Здесь 1 и 2 – новые вспомогательные символы, причем 1 есть оператор, убирающий X с его первоначального места, 2 – оператор, убирающий Y с его первоначального места[4]. Тем самым, перестановку XY ® YX можно представить как конъюнкцию двух правил, воздействующих на X-а и на Y-а: (X® 1® Y) & (Y ® 2® X ). Сходный эвристический прием применяется для описания альтернатив в естественном языке: аналогами добавленных символов служат два

вхождения перемещаемого элемента X – слева и справа от Y-а[5]. Так, в шведском языке прямое дополнение (X) обычно стоит перед обстоятельством места (Y), однако если прямое дополнение представлено развернутой группой слов, оно может размещаться как перед обстоятельством, так и после него [Ekerot 1995, 80]. Ср.

(a) швед. Pippi plockade fram [*br`d och ost och sm`r och skinka och kall stek och mj`lk*] ur skafferiet "Пиппи вынула [*хлеб и сыр и масло и ветчину и отбивную и молоко*] из холодильника"

|                                                                 |               |       |
|-----------------------------------------------------------------|---------------|-------|
| X                                                               | Y             | X     |
| <i>br`d och ost och sm`r och skinka och kall stek och mj`lk</i> | ur skafferiet | _____ |

1. b) швед. Pippi plockade fram ur skafferiet [*br`d och ost och sm`r och skinka och kall stek och mj`lk*] "Пиппи вынула из холодильника [*хлеб и сыр и масло и ветчину и отбивную и молоко*]".

|       |               |                                                                 |
|-------|---------------|-----------------------------------------------------------------|
| X     | Y             | X                                                               |
| _____ | ur skafferiet | <i>br`d och ost och sm`r och skinka och kall stek och mj`lk</i> |

Таким образом, идея подвижности X-а при неподвижности Y-а эквивалентна идее о пустых синтаксических позициях: X....|Y|... X.

Понятие пустых мест в линейной схеме было впервые введено в т.н. моделях позиционного синтаксиса (Э.Драх, Ж.Фуркэ, П.Дидериксен), оперирующих утверждениями типа "прямое дополнение в немецком языке занимает четвертое место", "нефинитный глагол в датском/шведском языке стоит на пятом месте". Если дополнение или нефинитный глагол в данной фразе стоят на n мест раньше или вообще отсутствуют, это объясняется незаполнением соответствующего числа мест [Кузнецов 1984, 138]. Недостаточность моделей подобного рода в том, что они не указывают вектора изменения. Между тем, для большинства альтернатив его можно и нужно определить. Так, в вышеприведенном шведском примере порядок Obj –Loc следует признать исходным, так как при коротких дополнениях контактный порядок Loc –Obj запрещен[6]. Тем самым устанавливается направление линейной трансформации: слева направо, т.е. Obj® Loc ® Obj.

3. Ценная формализация понятия подвижности предложена в рамках генеративной грамматики. В 1977 г. Р. Фиенго интерпретировал перемещение синтаксического элемента как бинарное отношение между его конечной и исходной позициями (a, t),

где  $a$  – произвольная синтаксическая категория,  $a\ t$  (trace) – "след" её пребывания в исходной позиции. Математически след интерпретируется как связанная переменная, а  $a$  – как оператор, её связывающий. Лингвистически след интерпретируется как нулевая словоформа с некоторыми свойствами анафорического местоимения, а  $a$  – как антецедент данной словоформы. Идея перспективна. Вместе с тем, аналогия между анафорическим местоимением и следом перемещения слишком навязчива и подталкивает к представлению, что антецедент всегда располагается раньше своего следа. Последний тезис равносителен требованию, что трансформация перемещения действует лишь в одном направлении – справа налево и, что то же самое, снизу вверх по дереву составляющих. Такой подход обедняет теорию инверсии и, кроме того, жестко привязывает исчисление порядка слов к механизмам, порождающим дерево составляющих. С другой стороны, в работах европейских структуралистов, где было впервые введено понятие вакантной позиции в линейной схеме (Ж.Фуркэ, П.Дидериксен, Е.Курилович), вообще нет понятия векторности перемещения, поэтому они не могут составить конкуренцию генеративному синтаксису[7].

4. Представление о движении элементов предложения по *вертикали* опирается на онтологическое допущение о наличии реляционной иерархии, прямо не зависящей от отношения линейного порядка. Повышение /понижение ранга элемента (raising, lowering) – операции над деревом составляющих. Такого рода операции обусловлены несовпадением разных уровнейых репрезентаций предложения. Отображение вертикального перемещения на горизонтальное можно получить разным способом. Одно из решений дает т.н. теория проверки признаков (checking), где между узлами категорий  $X$  и  $Y$  вводятся фиктивные узлы т.н. функциональных категорий ("флексия финитной формы", "согласование", "время", "падеж" и т.п.). Если договориться, что признак может иметь два значения – быть "сильным" либо "слабым", то легко задать вектор вертикального перемещения: цепочка символов  $X\ Func\ ^-\ Y$  будет читаться как  $X\ @\ Y$ , а цепочка  $X\ -\ Func^+\ -\ Y$  как  $X\ \neg Y$ . Такой эвристический прием полезен, в частности, для анализа феномена контактной и дистантной постпозиции, что было использовано в ряде исследований последних десятилетий.

Ж.И. Поллок [Pollock 1989] обратил внимание на то, что переходное предложение в английском и французском языках устроено по-разному, что выявляется при расширении схемы наречной позицией. Оба языка допускают вынесение наречия в конец фразы (примеры 1a, 2a), но английский язык блокирует структуру  $S - V - Adv - O$ , пример 2b неграмматичен; напротив, французский язык блокирует структуру  $S - Adv - V - O$ , неграмматичен пример 1c. Отсюда автор делает вывод, что перемещаемым элементом в обоих языках является глагол, причем движение глагола по дереву составляющих вверх необходимо для получения им флексивных категорий. Во французском языке перемещение выражено внешне и глагол попадает в контактную постпозицию подлежащему, а в английском языке перемещение глагола остается "скрытым", т.е. структурной потенцией, вследствие чего между подлежащим и глаголом возможна вставка наречия (пример 2c грамматичен). Данное различие Поллок предлагает объяснять тем, что вершинная категория Согласование во французском языке является "сильной", а в английском – "слабой".

| Линейный порядок  | Французский язык.                                                        | Английский язык.                   |
|-------------------|--------------------------------------------------------------------------|------------------------------------|
| $S - V - O - Adv$ | 1a. Jean embrasse Marie<br>souvent2a. John kisses Mary <i>often</i> .    |                                    |
| $S - V - Adv - O$ | 1b. Jean embrasse <i>souvent</i> Marie2b.*John kisses <i>often</i> Mary. |                                    |
| $S - Adv - V - O$ | 1c.*Jean <i>souvent</i> embrasse Marie                                   | 2c. John <i>often</i> kisses Mary. |

Если отделить результаты Поллока от поднятых им проблем уровневой репрезентации предложения, то они сводятся к тому, что во французском языке контактной является последовательность S - V, а в английском — последовательность V - O. Расширение схемы позицией согласования влечет анализ контактной постпозиции как S-Agr<sup>+</sup> - V (сильное согласование), а дистантной постпозиции как S - Agr<sup>-</sup> - V (слабое согласование). Встает вопрос, как объяснить в терминах поверхностного синтаксиса конструктор Agr<sup>±</sup>. Наиболее естественная трактовка состоит в том, что он формализует векторные свойства элементов фразы; именно так понимают его роль принявшие выводы Ж. И. Поллока Н. Хомский и Г. Лэсник: "либо язык *понижает флексию до Глагола* (lowers inflections to V) как английский), либо *поднимает Глагол до флексии* (raises V to inflection) как французский и вспомогательные глаголы в английском" [Chomsky, Lasnik 1995, 562], выделение наше — А. Ц.). Символическая запись этой формулировки могла бы выглядеть так: S - Agr<sup>-</sup> ® V (английский) vs S - Agr<sup>+</sup> ¬ V (французский). В то же время, введение признака векторности в аппарат грамматики Хомского затруднено тем, что в ней, как было указано выше, есть ограничение, по которому любое перемещение направлено вверх по дереву [Бейлин 1997, 42]. Это является одной из причин, по которым хомскианцы вынуждены помимо перемещений (movement) вводить другие операции над синтаксической структурой - проверку признаков (checking) и лицензирование (licensing).

Если анализ Поллока верен, в английском и французском должны найтись и другие тесты, выявляющие разную организацию цепочки V - O. Прогноз подтверждается: в английских предложениях с каузативным глаголом дополнение (= субъект каузируемой конструкции) помещается сразу после финитного глагола, ср. англ. I make Mary run (пример 1а на схеме ниже), а во французском между ними вклинивается форма инфинитива, ср. фр. Je fais courir Marie (пример 2а). Более того, как показал Б. Комри, морфологическая маркировка субъекта каузируемой конструкции зависит во французском не от валентных свойств финитного глагола, а от валентных свойств инфинитива: если глагол вставленного предложения является переходным, субъект каузации не может иметь ту же маркировку, что дополнения инфинитива [Comrie 1976; Куликов 1994, 53].

| Конструкция                                               | Французский язык.                                                                                                                                                       | Английский язык.                                                                                                                                                   |
|-----------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Каузативация непереходного предложения                    | S - [V <sub>f caus</sub> - [V <sub>inf intr</sub> - O <sub>1</sub> ]]<br>1а. Je fais courir <b>Marie</b>                                                                | S - [V <sub>f caus</sub> - O <sub>1</sub> - V <sub>inf intr</sub> ]<br>2а. I make <b>Mary</b> run.                                                                 |
| Каузативация переходного предложения с одним дополнением  | S - [V <sub>f caus</sub> - [V <sub>inf intr</sub> - O <sub>2</sub> ] - O <sub>1</sub> ]<br>1б. Je fais manger les gâteaux <b>Marie</b>                                  | S - [V <sub>f caus</sub> - [O <sub>1</sub> - V <sub>inf intr</sub> - O <sub>2</sub> ]]<br>2б. I make <b>Mary</b> eat the biscuits.                                 |
| Каузативация переходного предложения с двумя дополнениями | S - [V <sub>f caus</sub> - [V <sub>inf intr</sub> - O <sub>2</sub> - O <sub>3</sub> ] - O <sub>1</sub> ]<br>1с. Je fais écrire une lettre au directeur <b>par Marie</b> | S - [V <sub>f caus</sub> - [O <sub>1</sub> - V <sub>inf intr</sub> - O <sub>2</sub> ] - O <sub>3</sub> ]<br>2с. I make <b>Mary</b> write a letter to the director. |

Из результатов, полученных Поллоком и Комри, можно извлечь вывод о том, что признаки Согласования и Падежа в английском и французских языках противонаправлены: в английском согласование "слабое", а падежное управление "сильное", а во французском — наоборот. Подобное обобщение, при его очевидной содержательности, в работах

генеративистов, тем не менее, найти нельзя по двум причинам. Во-первых, понятиям "падеж", "управление" придается значительно более абстрактный смысл [Бейлин 1997, 45], что препятствует рассмотрению Падежа как функциональной категории того же уровня, что Согласование. Во-вторых, грамматика Хомского, как и любая теория, сохраняющая принцип непосредственных составляющих, не может поставить знак равенства между обычными реализациями переходного глагола и каузативными структурами: так, если признать форму *Mary* в примере (2a) валентностью финитного глагола, её придется отнести одновременно к составляющей [*make Mary*], и к составляющей [*Mary run*].

5. **5.** Представление о *циклическом* движении в синтаксисе существенно используется не для описания перемещений, а для задания пространства. Данное представление опирается на онтологическое допущение об изоморфности всех или некоторых составляющих предложения. Напротив, представление о движении по *спирали* (обратном движении) вводится только для описания перемещений, не имеющих поверхностного выражения, но тем не менее постулируемых на тех или иных основаниях. Классический пример подобного объяснения - ситуация конфликта правил (или принципов). Так, принимается, что немецкий глагол стремится занять позицию союзного слова и занимает её в главном предложении, но поскольку в придаточном соответствующая позиция уже занята, глагол возвращается на исходное место. Ценность объяснений подобного рода неочевидна, тем более что они опираются на обязывающие допущения.
6. **6.** Представление о *движении-исчезновении* является основополагающим для любой теории синтаксической неполноты. Требование И.А. Мельчука и Н. Хомского отнести правила эллипсиса не к уровню речи, а к уровню языка правомерно. Опускание элемента естественно трактовать как формальную операцию  $XP \rightarrow e$ , контролируемую некоторыми ненулевыми элементами (словоформами, категориями)  $YP$  ( $XP \rightarrow e$ ). Необходимость сокращения вытекает из несовпадения разных репрезентаций предложения - семантической и синтаксической, глубинно-синтаксической и поверхностно-синтаксической.

Двойственным движению-исчезновению является *креативное движение*: в языке могут действовать факторы, требующие заполнения определенных позиций, в том числе там, где вставляемые элементы лишены семантической интерпретации или семантически избыточны.

рус. *X выпил пива и потом pro пошел (?он пошел) в кино.*

Соответствующее шведское предложение аномально:

Швед. *X tog en `l och sen han gick (\*pro gick) i bio.*

В некоторых контекстах русский язык препятствует эксплицитному выражению анафорического субъекта [8]:

Рус. *Я встретил горничную, манеры которой pro (\*горничной) меня изумили.*

В других ситуациях, например, в комплексах *безличное предложение + двусоставное предложение* русский язык, напротив, требует эксплицитного выражения анафорического субъекта второго предложения, ср:

Рус. *Ему<sub>i</sub> нравится тренироваться и он<sub>i</sub> (\*pro<sub>i</sub>) в целом серьезный спортсмен.*

Ограничение на опускание анафорического субъекта в комплексе из грамматически разнородных предложений неуниверсально, есть языки, в которых оно не действует. Ср. соответствующее предложение в фарёрском языке:

Фар. *Honum*<sub>i</sub> =DatSg d<mar=3Sg vFl at venja=Inf og *pro*<sub>i</sub> er=3Sg  
serirsur=AdjNomSgm Rtr\ttamaxur= NomSgm R hela tikix.

Складывается впечатление, что наибольшее значение для теории синтаксиса имеет движение по горизонтали, поскольку его формализация не требует онтологических допущений о природе предложения и способе его репрезентации. В то же время достигнуты заметные успехи в переводе других моделей движения на язык линейных отношений.

#### Литература:

*Гладкий А.В., Мельчук И.А.* 1969 – Элементы математической лингвистики. М., 1969.

*Кузнецов С. Н.* 1984 – Теоретическая грамматика датского языка. Синтаксис. М., 1984.

*Куликов Л.И.* 1994 - Типология каузативных конструкций в современных синтаксических теориях // Знак. Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина. М., 1994, 48-60.

*Мельчук И.А.* 1995- Порядок слов в русской фразе // Русский язык в модели Смысл «Текст». М., Вена, 1995, 273 - 321.

*Бейлин Дж.* 1997 - Краткая история генеративной грамматики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров. М., МГУ, 1997, 13-57.

*Chomsky N., Lasnik H.* 1995. - Syntax in generativen Grammatik // Syntax: An International Handbook of Contemporary Research / J. Jacobs, A. von Stechow, W. Sternfeld, T. Venneman, eds. Berlin & New York, Walter de Gruyter, 506- 569.

*Comrie B.* 1976 - The syntax of Causative Constructions: Cross-language Similarities and Divergencies // Syntax and Semantics. Vol. 6. The Grammar of Causative Constructions. N.-Y., 1976, 261-312.

*Diderichsen P.* – ElementFr Dansk Grammatik. Kbenhavn, <sup>3</sup>1976 (<sup>1</sup>1946).

*Ekerot L.-J.* 1995 -Ordf ljd. Tempus, Best@mthet. Gleerups, 1995. 187 s.

*Pollock J. Y.* 1989 – Verb Movement, Universal Grammar, and the structure of NP // Linguistic inquiry 20 (1989), 365-424.

*Williams E.* 1998 – Book Review of: Jan-Wouter Zwart (1997) The Morphosyntaz of Verb Movement: A Minimalist Approach to Dutch Syntax. Kluwer. Dordrecht // The Journal of Comparative Germanic Linguistics, vol I, 1998.

[1] Статья написана при финансовой поддержке гранта RSS 932/ 1999.

[2] Ср., например пустые позиции для сентенциального наречия (отрицания), диагностирующие роли субъекта и объекта в датском языке.

F                      V<sup>f</sup>      a           NP           a

(1a) Manden<sub>Sub</sub>    slog   ikke   drengen<sub>Ob</sub> —

Мужчина           бил   не   мальчик   —   "Мужчина не бил мальчика"

(1б) Manden<sub>Ob</sub>    slog   —   drengen<sub>Sub</sub> ikke

Мужчина           бил   —   мальчик   не   "Мужчину мальчик не бил"

[3] Справедливость данного вывода легко проверить с помощью теста на образование общего вопроса с порядком VS от утвердительных предложений с предфинитным и постфинитным подлежащим. Ср. пример из шведского языка:

Han (1) har (2) umgDtt med diverse l`st folk i Malm`      Har (1) han (2) umgDtt med diverse l`st folk i Malm` ?

"Он (1) общался (2) с разными проходимцами в Мальмё"

"Общался (1) он (2) с разными проходимцами в М. ?"

\*I Malm` har han umgDtt med diverse l`st folk?

I Malm` (1) har (2) han (3) umgDtt med diverse l`st folk

Har (1) han (2) umgDtt med diverse l`st folk i Malm` ?

"В Мальмё (1) общался (2) он (3) с разными проходимцами"

\*I Malm` har han umgDtt med diverse l`st folk?

[4] А также: Y – оператор убирающий 1 с места, X – оператор, убирающий 2 с места. Т.о., за один шаг убирается только один элемент со своего места, будь то новый или старый символ.

[5] Главное отличие в том, что при элиминации перестановок XY ® YX за счет ввода новых символов в грамматику непосредственных составляющих подвижными считаются оба символа, в то время как в моделях поверхностно-синтаксических отношений в естественном языке позиция Y -а считается неподвижной.

[6] Запрет действует лишь для постфинитных дополнений и обстоятельств, стоящих контактно, \*SVLoc®O, \*||Han |tDg fram| ur skafferiet| br`d och mj`lk||. В то же время при дистантном порядке с выносом объекта в начало фразы препозиция дополнения обстоятельству разрешена: OVSLoc ||br`d och mj`lk|| tDg |han| fram| ur skafferiet||. Для такой

альтернативы нужно ввести правило линейного перемещения, действующее справа налево: OVS  $\neg$  Loc.

[7] Существующие теории позиционного синтаксиса не дают и могут дать ясного ответа, какие сущности обеспечивают онтологическую реальность пустых позиций, поскольку они не различают случаи незаполнения позиций в результате отсутствия элемента в лексическо-синтаксической схеме высказывания (нет дополнения при непереходном глаголе и т.п.) и случаями, когда элемент есть, но занимает не свое, неканоническое, место.

[8] Следует указать, что хотя русский язык допускает опущение анафорического подлежащего при весьма удаленном antecedente, в нем имеются ограничения на опущение местоименного субъекта, не имеющего вербального antecedента в тексте. Ср. рус. ?? *знаете, про, пожалуй, пойду* при нормативном *знаете, я, пожалуй, пойду*.